

В. Кулаков

**ПОД
КУПОЛОМ
НЕБЕС**

Жизнь и судьба (Горизонт)

Владимир Кулаков
Под куполом небес

«Горизонт»

2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Кулаков В. А.

Под куполом небес / В. А. Кулаков — «Горизонт»,
2018 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

Роман «Под куполом небес» является окончанием трилогии, вслед за романами «Сердце в опилках» и «Последняя лошадь». Автор прослеживает жизни своих героев на протяжении почти двух десятков лет. Из подростков они превращаются в молодых людей, зрелых артистов. В книгах много остросюжетных событий, подчас драматических, но много и юмора, который уравнивает повествование, делая его объёмным и зримым. Автор пишет ярко и кинематографично. Ощущение, что смотришь захватывающее кино. Читатели представят себе жизнь артистов цирка, их чаяния, проблемы, радости. Они окунутся с головой в удивительный мир цирка, закрытый от постороннего взгляда обывателя, но так похожий на мир обычных людей. Откройте книгу, погрузитесь в неё. Сможете ли оторваться? Хм, посмотрим...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

© Кулаков В. А., 2018
© Горизонт, 2018

Содержание

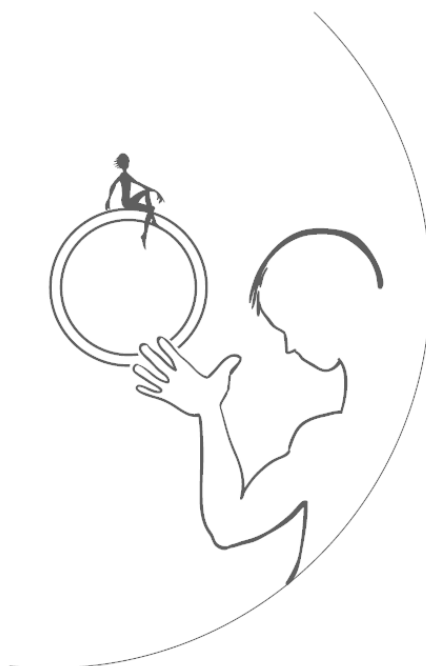
От автора	6
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	20
Глава шестая	22
Глава седьмая	24
Глава восьмая	26
Глава девятая	29
Глава десятая	33
Глава одиннадцатая	35
Глава двенадцатая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Кулаков

Под куполом небес

© В. А. Кулаков, автор, 2019

* * *

От автора

Я долго жил среди цирковых. Я был цирковым. Им остаюсь. Теперь уже останусь навсегда...

Это не профессия, не стиль жизни, не убеждения. Это – «хромосомы». Их необычная комбинация. Это всё вместе. Как проклятье. Или – Величайшая из наград...

В этой книге что-то вымысел, что-то – правда. Но где что, теперь трудно определить, столько времени прошло...

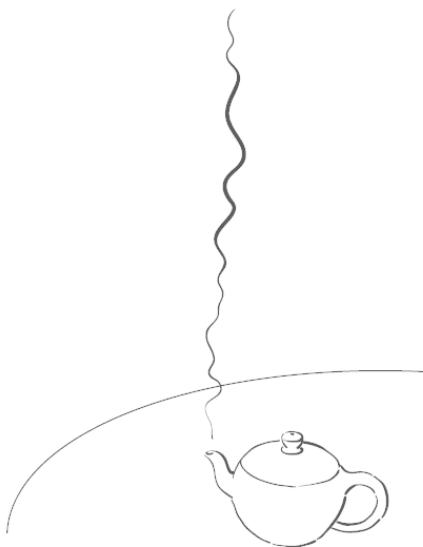
События книги происходят в середине девяностых годов теперь уже прошлого столетия. Многих героев повествования на этом свете больше нет. Кто-то ещё жив...

Век настоящий сменил век минувший. Одна эпоха пришла на смену другой. Мне кажется, что незаметно для всех одна человеческая цивилизация сменила другую...

Что-то неуловимо изменилось в этом мире на планете Земля. Поменялось многое, что когда-то грело душу и волновало сердце.

Изменился цирк, его стилистика. Но не поменялись люди цирка. Они те же, что и прежде. Я с лёгкостью узнаю их на вокзалах, в аэропортах. Мне кажется, я знаю их всех, как своих родственников. Они и есть родственники. Одна кровь. Один «хромосомный» ряд, причудливо созданный Великим Небесным Художником.

В этих людях по-прежнему живёт самое ценное – Человеческая Любовь...

* * *

*Им я и посвящаю эту книгу...
Под куполом небес голубых,
Под музыку сердец молодых*

*Мы будем играть с тобой,
Будем играть на бис...*

The Stokes

Глава первая

Семейная жизнь Пашки Жарких и Светы Ивановой дала трещину...

За четыре года у них не было ни измен, ни особых скандалов. Всё происходило вроде по нарастающей – с каждым днём интересней и... слаще. Но...

Они зашли в своих отношениях Мужчины и Женщины в какой-то тупик. На смену зною пришла неожиданная промозглая слякоть. Наступил кризис. Отношения потрескивали, как трещит под ногами отчаянных рыбаков ещё неокрепший лёд.

Заметно постаревший, но всё ещё крепкий Захарыч, как мудрый филин, молчал, тревожно поглядывая на дорогах его сердцу людей, украдкой вздыхал и шептал что-то в свою седую бороду – то ли читал молитвы, то ли философствовал: «Эх, молодёжь, молодёжь! Всем уже за тридцатку, а всё ещё как дети!..»

Пашка пытался выровнять отношения, вызывал на откровенные разговоры Свету, но та, от природы не очень многословная, всё больше грустно молчала или отвечала неохотно и односложно. Дома старалась быть как можно меньше, всё своё время проводила на конюшне. Отрепетировав, Пашка бродил по незнакомым улицам гастрольных городов, пытался отвлечься и забыться, пребывая в унынии и отчаянии. Он сходил с ума, не понимая, что происходит. Тут ещё Венька, зараза, крутился под ногами со своими плохо скрываемыми воздыханиями к Свете. Смотрел на неё все эти годы телячьими глазами. Друг, называется!.. Он стал работать в их номере служащим по уходу за животными сразу после той памятной аварии, когда, спасая автобус с цирковыми, они сами едва не погибли на Венькиной «Волге». Потом, когда оклемались, Пашка долго на него дулся, чуть не набил морду, узнав, что Венька его обманул. Он тогда купился на его слова о беременности Светы. На мгновение мечтательно расслабился, представил себя отцом. Этого Веньке хватило, чтобы на полном ходу вытолкнуть друга из почти убитой машины, летящей лоб в лоб с автобусом, у которого отказали тормоза...

Совсем растерялся Пашка, когда узнал, что в скором времени им придётся работать в одной программе с его бывшей женой Валентиной и её полётом «Ангелы».

Все эти годы Валентина ненавязчиво давала о себе знать телеграммами к Новому году, открытками ко дню рождения. Иногда даже поздравляла Свету. Вроде ничего страшного – скупые, подчёркнуто традиционные пожелания здоровья и счастья. Но этим она как-то хитро, психологически тонко лишала их со Светой покоя и душевного равновесия. Валентине никогда не отвечали. Да она, скорее всего, и не надеялась на это. Но, как та капля воды, долбила камень не силой, а частотой падения... И вот – встреча! То, что она её спланировала, можно было не сомневаться. От обещания «вернуть Пашку», данного после развода, она явно не отказалась, хотя прошло немало времени...

Валентина по-настоящему его любила. Но это была какая-то странная, гипертрофированная любовь садомазохиста к плётке, искореженная философией свободы в семейной интимной жизни, где было незыблемым: «Моя душа – тебе, мой милый, а вот тело, извини – по моим потребностям! Главное ведь – Душа, не правда ли?..»

Потом, при редких встречах Валентина объясняла, что с той поры всё изменилось – она теперь другая. Но после всех мучений и болячек, которые Пашка перенёс, возврата к старому он не просто не хотел, он понимал: не дай бог ещё раз – погибнет!.. К тому же он любил Свету. В этом был уверен. Мог поклясться...

От предстоящего гастрольного маршрута отбояриться не удалось – Главк упёрся. Пашка намекнул на пикантность ситуации. Ему однозначно ответили: «Чай вместе можете не пить, а работать будете! Это – производство. Если каждому будем менять разнарядку из-за бывших жён и мужей, то не хватит городов. У некоторых из вас вообще не биографии, а сводки из залов суда по неоднократным бракоразводным процессам – рецидивисты, блин, амурных

дел!..» Вердикт был простым: «Месяц потерпите, дальше решим». И никаких лишних телодвижений, которые могут привести к повышенной деторождаемости!..

Пашка совсем загрустил. Пришёл к Захарычу за советом. Они закрылись в шорной и долго о чём-то говорили. От человека, заменявшего ему все эти годы отца и мать, он вышел успокоенным и решительным. Захарыч перекрестил его в спину и в очередной раз вздохнул – ситуация хрупкая, тонкая, как паутина!.. Ноги коснулась Варька. Захарыч на ощупь потрепал её густую шерсть. Собака в ответ лизнула руку. Старик продолжал смотреть во след Пашке. Высокий, стройный, талантливый!.. По сердцу прошла тёплая волна любви и жалости. «Господи! Сколько же выпало на долю этого парня! Спаси и сохрани!..»

Они были знакомы больше пятнадцати лет, а ощущение – что всю его долгую жизнь. Собственно, это и были годы его настоящей жизни. Жил ли он до встречи с Пашкой? Вряд ли. Скорее, это были годы простого физического существования, не более того. Может ли жить человек без любви? Кто-то, наверное, может. Захарыч не представлял себе этого... Потом в его жизни появилась Света Иванова, чуть позже друг Пашки Венька Грошев. Красивые, молодые ребята! Как он жил без них? И как будет жить, если что... Захарыч посмотрел на Варьку, та преданно, всё понимая – на него. Вильнула хвостом.

– Стареем мы с тобой, Варюха-горюха! Стареем...

Захарыч вернулся в шорную, где по своей давней привычке работал и жил. Цирковые гостиницы он не любил. Всю жизнь поближе к лошадям, подальше от суеты...

Захарыч присел на сундук, который служил ему ночью кроватью, а днём диваном. Опустил натруженные, здоровенные мужицкие руки и замер. Подошла Варька, положила голову на колени. Тихо скулила, в очередной раз заглянув в глаза. Заскорузлая ладонь Захарыча снова прошла по хребтине собаки: «Старый, надёжный друг!..» Он закрыл глаза, улетел в воспоминаниях на пятнадцать лет назад...

Глава вторая

Когда последние листья мягким шуршащим ковром улеглись на улицы города, позолотив парки и тротуары, а по утрам лужицы стали покрываться тонкой слюдяной коркой льда, цирковой конюх, он же берейтор – мастер дрессуры лошадей Никита Захарович Стрельцов, – нашёл у ворот цирка подброшенного лохматого щенка. Тот отчаянно верещал, взывая к совести мира, который так жестоко швырнул его в холодную лужу, оставив за дверью надёжную тёплую маму и так хорошо начинавшуюся жизнь.

Захарыч принёс трясущееся, повизгивающее существо на конюшню. Это была обыкновенная дворняжка с какой-то породистой примесью. Щенок жадно выпил целое блюдце молока, отогрелся и в знак благодарности оставил «автограф» на новом коврикe Захарыча.

– Вот варвар! Испортил ковёр! Хомут тебе в дышло!..

– Захарыч, это не варвар, это Варвара, посмотри внимательней! – молодой помощник Стрельцова Пашка Жарких демонстративно хмыкнул, подчеркнув своё превосходство в знании сей деликатной темы полов. – Это «кобелиха».

– Понимал бы! Кобелиха!.. Сам ещё существо неопределённого пола, учить меня будешь! – Захарыч наигранно строго окоротил Пашку, хотя в его глазах балаганными скомо-рохами прыгали весёлые чёртики. С этим смышлёным парнишкой они встретились почти два года тому назад и с тех пор не расставались ни на минуту. Вместе работали служащими по уходу за животными в крупном номере джигитов-наездников «Казбек».

Старик поднял щенка и внимательно пригляделся.

– Хм! Точно – Варвара! Что ж, тоже подходящее имя для собаки...

Так Варька появилась в хозяйстве Захарыча. Пашка с ней возился каждую свободную минуту, забывая о работе на конюшне, за что регулярно получал нагоняи от своего наставника.

Через полгода Варька превратилась в крупную, серую с рыжей подпалиной собаку, напоминающую овчарку, с большими умными глазами. У неё был такой пронзительный «человеческий» взгляд, что все поражались: ну, вот только не разговаривает!..

Вечерами, когда в цирке заканчивалось представление, все расходились кто куда. Пашка шёл ночевать в гостиницу. Захарыч, как обычно, ковырялся в шорной до глубокой ночи. Варька лежала на своей подстилке – старом панно, на котором когда-то выступала известная парфорс-наездница и внимательно следила за руками Захарыча. Тот либо шил очередной чепрак для наездников, либо плёл свои знаменитые на весь цирковой мир хлысты-арапники.

Его шорная пропахла кожей и лошадьми. Это было царство уздечек, подпруг, всевозможных сёдел и стремян. Все стены были увешаны конской сбруей. Некоторые вещи имели вековую историю. Например, старинный длинный хлыст-шамбарьер – по слухам, самого господина Чинизелли! Великого мэтра! Здесь был своеобразный музей, куда любили приходить цирковые – посмотреть, послушать рассказы Захарыча, отведать его фирменного чайку.

В шорной едва умещались деревянный сундук с металлическими оковами по углам, небольшой стол и старинный кожаный кофр, который хранил цирковые тайны. В этой тесной комнатухе без окон, при конюшне, Захарыч работал и жил. Здесь жила и Варька. Цирк стал ей и домом, и судьбой...

Алый манеж кипел жизнью, отмеряя сезоны стрелками часов на циферблате арены. Земля во Вселенной лихо накручивала обороты, как жадный до денег счётчик в городском такси...

Подошло время стать Варьке матерью. Она принесла четырёх симпатичных «варваров», как сообщил Захарыч, которые поселились в сарае цирка, где хранилось сено.

Однажды по чьей-то оплошности сено в сарае загорелось. Ушедшая на минуту от своих детёнышей Варька с воем бросалась в огонь. Захарычу с трудом удалось поймать её и уса-

дить под замок, пока тушили пожар. Огонь перекинулся на край конюшни, где стояли лошади. Дым, ржание лошадей, крики людей, тревожные сирены пожарных машин навсегда врезались в память собаки.

Конюшню потушили, основательно залив водой. От сарая остались чёрные дымящиеся головешки, а от Варькиного счастья – пахнущие дымом воспоминания да горькая пыль пепелища...

Два дня она надрывно выла, вызывая у всех озноб. На третий притащила откуда-то в зубах чёрного котёнка и успокоилась.

Так на конюшне в хозяйстве Захарыча появился кот... Земля вновь накрутила оборотов во вселенной, как воздушный гимнаст на лопинге. Время прошуршало листками календаря, пропело выюгами, отзвенело ручьями.

Чёрный, как вороново крыло, с белым галстуком и белыми кончиками лап подросший Варькин воспитанник всё чаще привлекал внимание окружающих. Если кто-то унизительно для его слуха звал «кис-кис», он медленно поворачивал зеленоглазую усатую морду и, презрительно шурясь, дёргал кончиком хвоста. За свою величественную походку и красоту кот получил всеобщее признание и соответствующую кличку Маркиз. Крысы, которые до того припеваючи жили на конюшне, притихли и попрятались. Кот стал властителем их дум и вершителем судеб.

Каждый вечер Маркиз устраивался спать в уютной мохнатой шкуре «мамы Вари». Прежде чем улечься, кот основательно топтал передними лапами бок собаки, урча, как маленький мотороллер. Варька, развалившись, блаженно улыбалась, обнажая белоснежные клыки, и играла кончиком влажного языка в такт своему учащённому дыханию. Она взвизгивала, угрожающе клацая зубами, когда когти увлечёвшегося кота впились в её тело, но тут же успокаивалась. Маркиз на мгновение останавливался, смотрел с укоризной на «мamu», мол, любишь – терпи! Продолжал топтаться и урчать на всю шорную...

Однажды кто-то в цирк принёс цыплёнка. Он забрёл на конюшню, где в это время прогуливался Маркиз. В последнем проснулся хищник, и он начал охоту. Кот загнал цыплёнка в угол между ящиком с реквизитом и стеной денника, стал медленно наступать. Усы его топорщились, зелёные глаза пылали, светились азартом и торжеством превосходства. Расстояние сократилось до удара лапой. Кот потянулся к цыплёнку и... тот обречённо запищал, закрыл глаза и отчаянно клюнул молодого хищника в нос. От неожиданности Маркиз мякнул, сделал сальто-мортале и сразу признал право цыплёнка на жизнь и независимость.

Наблюдавшие за этой сценой Пашка с Захарычем насмеялись вдоволь и пошли сооружать для маленького героя закуток.

– Так, – рассуждал Стрельцов. – Теперь их на моей шее трое. Нет! С Пашкой – четверо...

Прошло время. Вскормленный в дружной семье Захарыча молодой петушок впервые, тенорком, прокукарекал. Свою петушину арию он исполнял не так, как его родственники, а как-то «по-иностранному». Сначала он пропевал своё международное «ку-ка-ре-ку-у!..» и на последнем слоге, когда заканчивалось дыхание, вдруг неожиданно вдыхал, вопросительно добавляя «да-а-а?..», как бы удивляясь самому себе. Выходило очень забавно и необычно.

Артисты наградили певца за чистый голос и «иностранное произношение» итальянским именем Петруччио. Так в кругу цирковых появился третий всеобщий любимец.

Любопытно было наблюдать за животными, когда они спали. Варька – на панно, свернувшаяся в клубок, сверху на животе у неё – Маркиз, над ними, на жёрдочке, – Петруччио. Этакая цирковая пирамида дедушки Дурова. Повернётся ли во сне Варька, потянется ли во сне, зевая, Маркиз, Петруччио тут же вскинет голову и забеспокоится:

– Кто-кто-кто?..

Рано утром, только первый лучик пробьётся в широкие окна конюшни и приоткрытую дверь шорной, Петруччио будит всех своим приветствием:

– Ку-ка-ре-ку-у!.. – И обязательно спросит в конце: – Да-а-а?..

– Да, – привычно ответит Захарыч и ворчливо добавит: – Спи, патефон, ещё только четыре часа утра...

Программа, закончив зимний сезон, перебралась из стационарного цирка в летний передвижной цирк-шапито «Дружба». Известному цирковому берейтору Никите Захаровичу Стрельцову выделили отдельный вагончик под жильё, шорную и его животных. Переезжали, как правило, раз в месяц из одного небольшого городка в другой. Грузовики с прицепами перевозили разборные зрительские места, брезентовый шатёр шапито, барьеры манежа, мачты цирка, разрисованные рекламные щиты-плакаты, вагончики для артистов, коневозки для лошадей и прочую цирковую утварь. Этот пёстрый караван, сопровождаемый автоинспекцией с мигалками, растягивался на добрый километр, привлекая зрителей задолго до начала гастролей.

Затем где-нибудь в парковой зоне очередного города шло строительство передвижного цирка, которое постоянно собирало зевак с одним и тем же нетерпеливым вопросом: «Когда же?..»

По окончании гастролей цирк разбирали и ехали дальше, оставляя после себя едва заметный круг от некогда стоявшего здесь манежа, лёгкую грусть и добрую память... Нежаркое лето радовало погожими деньками, провинциальные городки – своим радушием и спокойным, размеренным укладом жизни. Гастроли шли своим чередом... Как-то на одном из представлений произошла заминка. Исполняя трюк, один из акробатов неудачно упал, и артисты, прервав номер, покинули манеж – нужна была медицинская помощь. В зрительном зале наступила томительная тишина, круг цирковой арены пустовал. Дирижёр вопросительно смотрел из оркестровки вниз на молодого и пока ещё неопытного инспектора манежа. Тот растерялся и решительно не знал, что делать... Вдруг послышалось:

– Кто-кто-кто...

На арену притихшего цирка-шапито вышли Петруччио, Варька и Маркиз.

Варька с удовольствием вытянулась на прохладном мягком ковре. Петруччио, распушив на шее воротник, поклёвывал что-то в опилках и, «ктокая», приглашал друзей отобедать. Маркиз потянулся и попробовал на прочность цирковой ковёр, «поточив» когти.

Зрительный зал пришёл в движение от такого странного трио, считая это началом очередного номера.

Ещё более растерявшийся инспектор приказал убрать посторонних.

Униформист, долговязый парень с вечно заспанным лицом, стал гнать с манежа не указанных в программе «артистов»:

– Кыш-ш!..

Кот угрожающе выгнул спину, Варька зарычала и громко залаяла. Петруччио вдруг захлопал крыльями и, как горн, призывающий к атаке, голосисто заорал, возмущённо добавив в конце свой извечный вопрос.

...Под общий хохот инспектор с униформистами ловили не желающих уходить с манежа животных. Поймают Петруччио – тут как тут Варька с Маркизом. От их когтей и зубов желание поддержать вырывающегося петуха мгновенно пропадало. Схватив орущего Маркиза, незадачливые ловцы тут же узнавали крепость петушиного клюва и шпор, а заодно и Варькиных клыков.

Находчивые музыканты заиграли весёлую музыку. Потасовка на манеже проходила лучше всякой клоунады. Публика чуть не рыдала от хохота, когда петух с собакой догоняли убегающего инспектора манежа. Кто кого ловил, понять было невозможно. Лай, воинственный вой кота, крики и смех людей, петушиные вопли и весёлый музыкальный галоп превратили досадную паузу в феерический развлекательный аттракцион.

Прибежавшим на шум Захарычу и Пашке с трудом удалось увести с манежа буйную компанию. Под овации зрителей униформист побежал менять разорванные Варькой штаны. Инспектору манежа ничего не оставалось делать, как смущённо раскланиваться, прикрывая расцарапанную щёку, и поправлять съехавшую в сторону «бабочку».

Дирижёр, еле сдерживая слёзы от смеха, бурно аплодировал новоиспечённому «укротителю домашних хищников» и при этом ещё успевал дирижировать оркестром, который исполнял на максимальном «форте» бравурный марш. Представление было спасено. На следующий день толпа зрителей устроила директору цирка-шапито обструкцию. Они шумно возмущались, почему не работает дрессировщик с петухом, котом и собакой, а только стоит и объявляет номера?..

...Подросший, возмужавший Маркиз в очередной свой «март» не вернулся к Захарычу. Была надежда, что он где-то обрёл своё кошачье счастье...

От Петруччио остался только похожий голос в электронном будильнике. Век птицы невелик...

Жива-здоровая Варька.

Возмужал и стал классным жонглёром воспитанник и гордость Захарыча – красавец Пашка Жарких...

Глава третья

Венька прикипел к этой работе и не представлял себе другой. Наконец, его мятущаяся мечтательная натура обрела определённый покой и смысл. Во-первых, он имел возможность колесить по стране, ежемесячно меняя города. Во-вторых, ему нравилось быть при лошадях. В-третьих, рядом был друг Пашка, в-четвёртых, Захарыч, который за эти несколько лет сделал из него неплохого берейтора, готовя себе замену, научил премудростям работы с лошадьми, пошиву конских сбруй и плетению арапников. С лошадьми проблем не было, а вот с остальным дела обстояли похуже. Запах сыромятины будоражил, волновал, даже заводил. Но орудовать шилом, специальными иглами, навощённой дратвой, сшивать толстые куски кожи – в сё это требовало невероятного терпения, времени и призвания. Исколотые руки Веньки горели огнём, постоянно были в незаживающих ранах, что не нравилось ему совершенно. К тому же на одном месте более получаса он усидеть не мог. Но, видя, как работает старик, сколько отдаёт шпорному делу сил и любви, виду не показывал, тянул эту лямку из последних сил, как мало-мощная кляча в гору – бочку с водой...

Его работа была не трудной. Рутинной – да! Но не тягостной. Вместе с ним на равных, бок о бок, ежедневно трудилась Света – руководитель номера. Не гнушался «чёрной» работы и Пашка. Постоянно подключался Захарыч. Управлялись они с лошадьми быстро, споро и как-то весело. Это была семья...

Венька Грошев был простым служащим по уходу за животными. Получал за это сущие копейки. Но менять свою судьбу не собирался. И дело было не «во-первых, во-вторых, в-третьих» и даже не «в-четвёртых». Главное заключалось – в-пятых!..

Венька был влюблён... Давно. Тихо и безо всякой надежды. Влюблён в Свету. С первого мгновения, как только увидел её тогда в шапито. Он жил себе спокойно, работал и ни о каком цирке думать не думал. Вкалывал таксистом, мечтал о новой машине и небесных кренделях. Тогда на «Последней лошади» – как он называл свою развалюху «Волгу», привёз с вокзала Пашку, который приехал в их город на гастроли. Это здесь же позже объявится Валентина и всё обрушит, как бульдозер хлипкую халупу. Это тогда Света лежала чуть живая у него дома, и его мать выхаживала её. Это тогда они с Пашкой чудом остались живы. Внизу, в карьере – его искореженное горящее такси, а они, крепко «покоцанные» – на краю обрыва, на волоске от неизбежного. Четыре года как один день...

Венька смотрел на Свету преданными глазами, ловил каждое её слово, готов был за неё в огонь и воду, но никаких телодвижений в сторону сближения себе не позволял даже намёком. Света Иванова была женой Пашки, его друга, а это – свято! Без оговорок и каких-либо смягчающих обстоятельств. Венька чтит кодекс чести мужской дружбы. За нарушение подобных вещей в его рабочем посёлке без всяких сожалений пацаны отрывали головы и заклятым врагам, и близким друзьям.

Хорошо ли ему жилось? Скорее да, чем нет. Но... Хотелось семьи, тепла, какой-то надёжности. Пока он чувствовал себя какой-то добавкой, приправой к блюду под названием жизнь. Он был – при лошадях, при Пашке, при Захарыче и при Свете. Это «при» и было его постоянной саднящей болью, хорошо скрываемой и от друзей, и от самого себя...

Когда в его молодой жизни кто-то появлялся, это тут же становилось объектом незлых шуток типа: «Наконец-то, погуляем! Сватами будем!» Или: «Чур, крёстной буду я!» Венька каждый раз смущался, отбрыкивался. Особенно если на эту тему шутила Света. Стоило какой-нибудь пассии из новой программы в её присутствии заглянуть на конюшню, тот делал всё, чтобы эта красотка вылетала оттуда быстрее чемпиона мира по спринту. Он тщательно оберегал свою личную жизнь от глаз Светы. Так время и шло...

В предыдущем городе Венька стал героем. За что получил восхищённые взгляды от Ивановой и её похвалу. Венька целую неделю ходил сияющим, в приподнятом настроении, словно его наградили медалью за доблестный труд. Его золотая фикса на блатной манер, которой он втайне гордился, сияла во рту той самой золотой звездой героя. Собственно, так оно и было. Только дело обошлось без медалей и звёзд. Всё было проще. Ему за «содеянное» выписали денежную премию, большую часть из которой он потратил на дорогой букет Свете.

Как-то в первую неделю гастролей нужно было поехать за сеном. Оказалось – не на чем. Директор сказал, что машину придётся арендовать в городском автохозяйстве. Предложил это сделать в складчину. После крепкого «нерукопожатного» разговора он открыл гаражный бокс и показал седой от пыли грузовик. Тот уже третий год стоял на приколе мёртвой грудой металла и немим укором всему человечеству, которое его, автобедолагу, сначала изобрело, а теперь бросило на съедение ржавчине. «Сами, сами... – увещевал директора провинциального цирка ничего не могущий Главк. – У нас тут и без вас целый воз плоходвижимой недвижимости, которая и ехать толком не хочет, и подыхать не собирается». В жизни отечественного цирка ситуация сложилась прямо-таки сексуально-революционная: те, кто снизу, больше не хотели хотеть, а те, кто сверху, давно ничего не могли мочь...

Венька мог! Ему нужны были только инструменты и хотя бы один помощник. Безлошадный завгар согласился с восторгом и энтузиазмом.

Теперь Венька исчезал сразу после утренней репетиции с лошадьми и их кормёжки. Появлялся ненадолго среди дня помочь по хозяйству, согласно своему штатному расписанию. Выходил, как положено, ассистировать в номере на представлении и после вечерней кормёжки животных снова исчезал в боксе гаража. На вопрос Захарыча: «Куда?» – отвечал коротко: «В ночное!...»

Автослесарь высокого разряда, рождённый среди карданных валов, карбюраторов, дисков сцепления и всего прочего, среди чего рождаются потомственные автомобилисты, как цирковые – в опилках, теперь был на вершине блаженства и счастья. Живых лошадей он сменил на лошадей, пока ещё разобранных по болтикам и винтикам. Сменил без всякого сожаления. И вот настал тот час, когда цирковой двор оглушил рык ожившего мощного мотора и из бокса медленно выехал ослепший от темноты заточения грузовик... Директор скакал на одной ножке вокруг ЗиЛ-130 и не верил своим глазам:

– Спаситель! Чудотворец! Дай я тебя расцелую!

Света тоже поцеловала запачканную щёку:

– Венька! Я тебя люблю!..

Тот, исхудавший, вытирая ветошью жилистые, много что умеющие руки, засмутился, опустил взгляд. Потом лихо вскочил на подножку кабины, и через мгновение грузовик выписывал фигуры высшего автомобильного пилотажа, пробуя тормоза и коробку передач на переключения. Всё работало как часики!..

Глава четвертая

– Захарыч! А чего ты как-то не по-русски называешь эту штуку, «шамберьер»? Ты ж всё время, как и другие, говорил «шамбарьер». Хм, «шамберьер»! – Венька с ехидцей в голосе спародировал Захарыча, добавив немного французского прононса.

– А-а, заметил!.. Настроение у меня сегодня такое – лекцию тебе, недорослю, прочитать. А то ты уже столько лет в цирке, а всё выражаешься, как помощник автослесаря на подхвате: «штука», «кажашка», «хреновина», «агрегат». Постеснялся бы старика! – Стрельцов, невзирая на все Венькины заслуги, тоже не без удовольствия вставил тому фитиль за его косноязычие в использовании циркового лексикона, который тот всё никак не мог усвоить.

– Некоторые говорят «шамберьер». Не страшно. Ты ещё и не такое услышишь. Знатоков типа тебя тут много... В цирке, Веня, вся терминология – сплошь иностранщина. Можно, конечно, назвать арапник кнутом, форпайч – хлыстом, шамбарьер – бичом, и всё остальное обозвать по-русски. Но иностранное здесь в основе испокон веку, правда, всё равно на наш манер. Эту «штуку», – Захарыч не преминул уколоть Веньку за фамильярное отношение к названиям циркового реквизита, – правильно вообще называть шамбриер. Слово-то французское. Да кто ж так ломать язык станет! Вот и говорит каждый, как хочет, со сноской на «русский ветер». Лишь бы было понятно, о чём речь. Ладно, хватит лекций! Давай, шагай «нах шталл», хомут тебе в дышло!

Венька поднял на Захарыча недоумённый взгляд. Куда-то послали... «Нах» он услышал конкретно. Уже было собрался обидеться, но Стрельцов опередил переводом:

– На конюшню, говорю! Пора «арбайтен», цирковед...

Пашка лошадей любил. Понимал их. Они его. Он связан был с ними с тех пор, как попал в цирк. Когда номер «Свобода», как манна небесная, свалился на головы Захарыча и Пашки, он растерялся. Захарыч его убеждал, что конный номер в цирке – это статус! Это надолго, не то, что жонглёрский век. Но, хорошо подумав, возглавить номер Пашка отказался. Свою жонглёрскую свободу на «свободу» конную он менять не стал. По-прежнему её зачем-то упорно хранил, как некоторые дамы – девственность. Но от судьбы не уйдёшь. Появилась Света Иванова, которая через какое-то время стала его женой и руководителем этого конного номера. Он помогал ей, как мог. Помимо жонглёра, стал работать простым служащим по уходу за животными. Подтянул в этот номер своего друга Веньку. После жонглёрских репетиций часами репетировал с животными. Но избегал создания совместного номера со Светой, как его ни уговаривали. Причину он и сам не мог объяснить. Душа сопротивлялась – и всё тут!..

Лишь однажды он согласился на репетицию «Высшей школы верховой езды». Специально для Пашки Захарыч полгода готовил Сатурна, чтобы в дальнейшем сделать семейную парную выездку. Пашка держался в седле уверенно, красиво, статно. Но это была не привычная джигитовка, как когда-то в номере «Казбек», с которого началась его цирковая биография. Тут всё было по-другому. Совсем по-другому...

– Паша! Давай без стремян. – Захарыч стоял рядом в центре манежа, придерживая Сатурна, успокаивал того, похлопывая по влажной шее. Заметно волновались и седок, и конь. – Просто почувствуйте друг друга. Пока пошагаем. Потом попробуем трензелями. Дальше можно будет вообще управлять только корпусом. Незаметно для зрителя чуть наклонишь корпус, конь поймёт, что от него требуется. Пока вы оба новички в этом деле. Тут, Паша, придётся терпеть и ждать результатов.

– Всю жизнь жду!.. – процедил Пашка сквозь зубы.

– Всё как у вас, у жонглёров – не единожды раздолбаешь пальцы в мясо, прежде чем трюк пойдёт! Помнишь, как мы тебе распаривали руки на ночь и синтомицинку привязывали до утра? Готовься, сынок, здесь будет то же самое...

Пашка со вздохом кивнул.

– А сейчас давай всё с самого начала. Словно ты никогда не знал, что такое конь. Нога прижата, пятка вниз, спина ровная, руки на холке. Дальше, чтоб начать движение, тебе достаточно пяткой подтолкнуть лошадь вперёд – ну, это ты знаешь. Постарайся в дальнейшем делать это как можно незаметнее. А пока, как получится, лишь бы Сатурн понял тебя и пошёл.

Пашка был мокрым до нитки. Сейчас бы шенкелем по крупу, гортанным криком «Хей-я-а!» и в галоп! Да куда там, конь под это не заточен. Это тебе не лихая джигитовка, тут дело деликатней. «М-да-а! Пока выгляжу, как извивающийся червяк на крючке рыбака. Лучше ещё часов пять-шесть пожонглировать, чем полчаса просидеть на этом едва двигающемся "скакуне"».

Пашка сопел, но отступать пока не хотел. Решение он уже принял: «Больше ни в жизни!» Но сегодня этот крест он собирался донести до самой Голгофы, то есть до финальной команды Захарыча: «Всё на сегодня. Домой!..»

– Захарыч! А чего Пашка шпорами не пользуется? Зря надевал, что ли? Для чего они тогда вообще нужны? – Венька вступил в беседу.

– Шпоры применяют, чтобы усилить действие шенкеля, и не более того. Пользоваться ими нужно, только чтобы дать почувствовать животному твою команду. Чуть-чуть, играючи. По правилам Международной ассоциации конного спорта вообще нельзя использовать чрезмерно острые шпоры, бить животное слишком сильно по крупу. Это считается откровенным варварством. Можно обойтись и без всего этого. Ну, или почти обойтись. У нас в цирке настоящие мастера на шпоры никогда не надеялись. Только на ум лошади. И на свой, у кого он был... – Захарыч скривился, видимо вспомнив тех, у кого ум, как таковой, отсутствовал.

Отношение к животным в цирке у Захарыча было определённое. Он не подбирал слов для дрессировщиков, которые доминировали над подопечными, демонстрируя своё превосходство. Не дай бог, если Стрельцов встречался со случаями насилия над животными! Тут для него авторитетов не было – народный, заслуженный или ещё там какой – всё едино! Мог и в морду за это дать. В цирке об этом знали и помнили.

– Ну, а эта штукавина, как её... форпайч! Им-то ведь можно? – неунимался в своём любопытстве Венька, вспомнив и к месту употребив плохо запоминающийся термин, за что получил одобрителный взгляд Захарыча и хмыкнул: знай наших! – Чего он у Пашки под мышкой ночует?

– Это тоже не средство управления, скорее предмет для лёгкого наказания, если так уж припёрло. В работе с лошастью применяются три основных вида команд. Для тебя говорю, Веня! – Захарыч тут схитрил. Он скорее напоминал основы управления лошастью Пашке и Свете. Последняя сидела в зрительном зале и внимательно следила за репетицией.

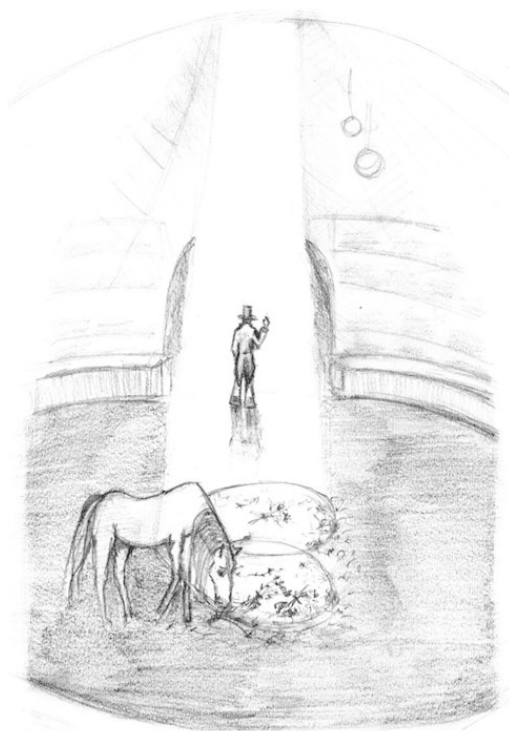

Рисунок Арины Герасимовой

– Первое – тело. По тому, в какую сторону всадник наклоняется в седле, тренированный конь легко поймёт, что от него требуется. Второе – шенкель. Другими словами – внутренняя сторона ноги всадника от бедра и до ступни, прижатая к боку животного. Третье – поводья. Они, Веня, не рвут губы лошади, естественно, если не зверствовать, только направляют животное в нужную сторону. Дополнительным средством является хлыст, он же форпайч, имя которого ты, наконец, запомнил! – Захарыч послал Веньке взгляд, полный мёда. Тот, как пчела на патоке, довольный, разулыбался.

– Несмотря на угрожающий вид, он не способен причинить здоровью лошади ощутимого вреда. Это как указка в руках учительницы. Ей, конечно, можно треснуть двоечника за шалости! – Захарыч сурово посмотрел на Веньку. Тот понял – двоечник в цирке пока он...

– В работе с животными прежде всего – терпение и любовь. Подкормки и прочее – это лишь физические взаимоотношения. Добиться любви животного, понимания, чего от него хотят, – вот высшая цель дрессировки. – Захарыч снова строго и многообещающе посмотрел на Веньку, словно уже примерял к его бедной голове ту самую указку.

– Вот ты свои машины моешь, тряпкой протираешь, оглаживаешь, лоск наводишь. Лошадь не машина и не игрушка, у неё есть эмоции, она может испугаться, обрадоваться, полюбить всадника или испытывать к нему неприязнь. Потому и относиться к ней следует, как к живому существу: хотя бы иногда похлопывать по шее, что означает поощрение, подкармливать лошадиными лакомствами и проводить с ней время. К вопросу, почему тебя Сармат недолюбливает? Иногда животное может вести себя неприветливо, потому что имеет проблемы со здоровьем или ещё по какой причине. В твоём случае, он просто тебя ревнует к Свете. Так что будь осторожен! У плохо настроенного животного уши прижаты назад или стоят домиком, ноги напряжены, хвост и голова подняты вверх. Разговаривай с Сарматом, как с равным. Он понимает тембр голоса, интонацию, а значит, и смысл.

– Ага, значит, к Пашке он не ревнует, к тебе тоже, а ко мне ревнует. Нормально!

– Пашка – муж. Я близкий родственник, чего к нам ревновать?

– А я, значит, цветок в проруби! – Венька было обиделся.

Подошедшая Света чмокнула Веньку в щёку, тот заметно сомлел. Пашка сделал вид, что не заметил, отвернулся, дабы не огреть Веньку его любимым форпайчем. «Всё-таки выпросил, зараза!..»

– Ты, Венечка, больше, чем родственник! Ты – друг! И мой будущий партнёр по номеру – это я тебе обещаю!..

Глава пятая

Год назад они выпустили номер «Высшая школа верховой езды», который работала Света. Исполняла она его на Сармате. Захарычу удалось в короткий срок обучить этого норовистого коня ходить под седлом, что было весьма не просто. Заставить лошадь, работающую «свободу», носить на себе седока и исполнять «выездку» – дело почти невыполнимое. А тут – Сармат! Конь с необузданным норовом и неукротимым характером жоака. Секрет успеха заключался в том, что этот конь был феноменом. Захарыч почувствовал, что это возможно, видя одно обстоятельство. Обстоятельство тонкое, деликатное, возможно, самое главное – конь был влюблён в Свету. Она на него села. Он позволил...

Этот конь от природы был наделён недюжинным интеллектом. С Венькой он был строг, с Пашкой – нейтрален, с Захарычем – покорен и уважителен. К Свете же Сармат питал истинную любовь. Когда она входила на конюшню, раздавалось его приветственное ржание и нетерпеливый стук изящных ног по дощатому полу денника – словно он летел ей навстречу. О! Это был редкий конь! «Такие появляются в цирке раз в сто лет! – утверждал Захарыч. – Это – человек!...»

Сармат при встрече, млея, смотрел на Свету так же, как и Венька, – теми же томными, соловельными глазами. Оба были готовы содрать с себя шкуры и бросить их к ногам избранницы.

«Целый табун воздыхателей! – Пашка поймал себя на чувстве ревности, шевельнувшимся внутри дождевым червяком. – Не конюшня, а какой-то тир для амуров и купидонов!...» Эти голенькие пацанчики с крылышками, в его случае, послали свои стрелы тоже не «в молоко»...

Пашка с Захарычем часто смотрели выступление Светы на Сармате. Улыбались, замечая некоторые особенности, сокрытые от глаз зрителей. Опыта у Ивановой в этом жанре было мало. Она не всегда успевала попадать в нужный ритм. Выручал Сармат. Он слышал музыку и переходил на смену шага или к новой фигуре точно с первыми аккордами циркового оркестра. И если Света, немного опаздывая, давала ему команду шенкелями или трензелями, тот нервно встряхивал головой и как бы говорил: «Не мешай, если медведь на ухо наступил!...» Однажды они провели эксперимент. Попросили звукорежиссёра записать оркестр и включить фонограмму на репетиции. Света стояла в центре манежа, держала в руках длинную корду, пристёгнутую к Сармату. Тот был без сбруи и седла, лишь в оголовье. Она давала команду голосом, чуть поддёргивала корду, когда нужно было переходить на испанский шаг или двигаться боком. Сармат безукоризненно исполнял команды, как если бы Светлана сидела на нём и делала то же самое, привычно работая поводьями и голенищами.

Все видели, с какой неохотой Сармат каждый раз позволял водрузить на себя седло. Он прижимал уши, недобро поглядывал на тех, кто его обслуживал, норovia прихватить зазевавшихся. Выручала Света, которая разговаривала с конём, оглаживала его, отвлекая от докучавшего процесса. Работал он, судя по всему, тоже без особого восторга, исключительно из любви. В результате, у Захарыча родилась идея сделать совсем другой номер, где конь будет не под седлом, а жанр сохранится и добавится значительная доля зрелищности. Стрельцов решил воссоздать номер, практически вымерший в цирке из-за его сложности – «догкарт». В двухколёсном лёгком одноконном экипаже Света, этакой царицей, будет выезжать на манеж, а Сармат управляться на расстоянии исключительно голосом и длинными вожжами. Изогнутое дышло кабриолета, укреплённое шарниром, не помешает лошади исполнять трюки. Сармат сможет по-прежнему идти испанским шагом, испанской рысью, пассажем, двигаться боком в два следа, исполнять салют, баланс и поклоны. Захарыч собирался украсить вожжи, сиденье и колёса цветочными гирляндами, а всю упряжь отделать под костюм исполнительницы. Через год он надеялся ввести в номер и дрессированных русских борзых, которые будут сопровождать кон-

ную работу, пробегая между копытами коня и колёсами кабриолета. Захарыч ещё помнил эту красоту, забыть которую было невозможно. Пришло время вернуть подобный номер на манеж. У Захарыча появилась цель и новый смысл его цирковой жизни...

Глава шестая

«...Возникновение нового жанра связывается с именем Каролины Лойо, которая в цирковых летописях считается первой профессиональной наездницей высшей школы...» – Стрельцов водил заскорузлым ногтем по строкам пожелтевшей страницы, вещал проникновенно и неторопливо, делая многозначительные паузы в нужных местах, поднимая указательный перст, как бы призывая слушателей к максимальному вниманию.

Пред ним была научная книга Кузнецова «Цирк» 1931 года издания. Уже сам этот факт приводил Захарыча в священный трепет. Он вообще благоговел перед умными книгами, а перед подобными этой готов был упасть на колени и бить земные поклоны. Слушателями Захарыча сегодня были Света, Венька и в какой-то степени Пашка, который чудом достал эту книгу в местной библиотеке. Пашке было многое знакомо из лекций в цирковом училище. Ему хотелось, чтобы что-то новое узнали и его близкие.

Захарыч священнодействовал дальше: *«Королина Лойо очень быстро завоевала самую разнообразную публику и заняла положение примадонны парижского стационара, причём её личный успех перерастал в принципиальный успех самого жанра. И приблизительно с начала сороковых годов цирк без школьной наездницы был уже немыслим. В дальнейшем, наряду с сольными выступлениями, был создан ряд комбинированных композиций: школьные дуэты, парные школьные тандемы и школьные кадрили...»*

– А мы возродим «догкарт»! Здесь об этом тоже есть, я нашёл. – Захарыч подмигнул Свете. – Ну, ты, Пашка, удружил, хомут тебе в дышло! Всю ночь читал, глаз не сомкнул!

Захарыч с нежностью и любовью посмотрел на своего воспитанника. Эта некогда «длинноголая жердя» пятнадцати лет от роду, ничего не знающая и не умеющая делать в цирке, превратилась теперь в стройного молодого парня, отличного жонглёра и уважаемого человека.

Захарыч поёрзал, побряхтел, в очередной раз придал лицу серьёзность и продолжил:

– Лошадь может выполнить огромное количество элементов и упражнений. Нужно только подключить терпение, любовь к своему делу и... второй этаж. – Захарыч постучал себе по лбу, намекая на адрес того самого второго этажа. – Существует специальная терминология, которой пользуются в подобных номерах. Некоторых, особо одарённых, попрошу обратить внимание на эти термины и запомнить, как «Отче наш»!

Стрельцов строго посмотрел на «особо одарённого», который сидел со скучающим видом и не знал, как сбежать с этого «урока мужества». Венька поглядывал на часы. Скоро представление, а он не успел поесть в столовой. Опять ночная сухоматка...

– Записывай! Потом спрошу. Без этих терминов ко мне и не подходи!

Захарыч снова стал водить по странице вдрызг прокуренным, жёлтым от никотина, указательным пальцем.

Амбуатэ – элемент, при котором лошадь высоко и резко выбрасывает одну переднюю ногу при подскоке с рыси. Редкий элемент, демонстрируется только в некоторых национальных школах.

Балансе (фр. *Balancer* – *раскачиваться*) Различают балансе на переду и балансе на задую. При балансе лошадь ритмично переступает с одной ноги на другую и ставит ноги как можно шире.

Испанский шаг (школьный шаг) – основной элемент высшей школы, при котором лошадь попеременно поднимает почти до горизонтального положения выпрямленные в запястном и плечевом суставах передние ноги и плавно ставит их на землю, в то время, как задние ноги ступают обычным шагом.

Каприоль (*ит. Capriole от лат. Capra – коза*) – школьный прыжок. Называется также оленьим прыжком, так как при его исполнении лошадь, встав на дыбы и стремительно оттолкнувшись от земли, летит вперёд, как олень, с вытянутыми назад задними и подогнутыми передними ногами.

Пезада (*фр. Pesade*) – элемент, при котором лошадь спокойно поднимается почти вертикально на дыбы («свечу»). При этом задние ноги согнуты, а передние подобраны. Исполняется как под всадником, так и в руках.

Пиаффе (*фр. Piaffer – приплясывать*) – элемент, который выполняется на месте. Представляет собой рысь на месте с хорошо выраженной фазой подвисания. Различают «высокое» и «низкое» пиаффе: при низком – копыта лишь слегка приподнимаются над землёй, при высоком – поднимаются высоко и энергично, с хорошим импульсом и чётким ритмом.

Сарабанда – упражнение из пяти-шести курбетов, выполненных по прямой линии.

Сентаво – проходка лошади на задних ногах. Выполняется как под всадником, так и без него.

Стрельцов закрыл книгу. Бережно положил на покрывало сундука.

– Всем всё понятно? – Он соколом посмотрел на своих молодых слушателей. Света с Пашкой спокойно кивнули – термины не такие уж и незнакомые. Венька мысленно перекрестился, радуясь окончанию экзекуции, вздохнул и едва слышно пробурчал:

– Проще десять раз движок КАМАЗа разобрать и собрать, чем все эти ваши французские выкрутасы выучить! Ну, по-па-ал!..

– Ну, раз всем всё понятно, готовимся к работе. По коням!

Глава седьмая

Пашка проснулся с колотящимся сердцем, словно выпил с десятков чашек настоящего турецкого кофе. Первые несколько минут ему даже было нехорошо. Но рассвет вернул его на грешную землю, и он начал успокаиваться. Рядом ровно дышала Света.

– «Фу-у!.. – выдохнул он с облегчением. – Приснится же такое!..» Света, его надёжная Света, была рядом и не собиралась улетать ни в какие дальние дали...

...Они плыли, покачиваясь в тёплых волнах Чёрного крымского моря. За спиной оставались старинные развалины Херсонеса. Берег с каждым гребком отдалялся. Впереди – манящий горизонт бесконечного моря, искрящаяся мириадами солнечных зайчиков дорожка и ощущение невесомости от упругой воды. Они не плыли – летели...

Света, рождённая на побережье Тихого океана, учившаяся в Ленинграде на Балтике, прожившая всё детство и юность в Севастополе, была по своей стихии водоплавающей. Она любила уплывать в море так далеко, что Пашка терял её из виду. Он же, рождённый на донских берегах, учился плавать в деревенских прудах и на Малышевских озёрах под Воронежем. Переплыть туда-сюда стремительный Дон – вот и все его пацанские подвиги. А тут воды – без берегов и ориентиров!.. Заплывать, чтобы не было видно берега, он не любил. Робел... Пару раз плавал за Светой, да разве за ней угонишься! Километр туда и столько же обратно! За каким?!.. Зарёкся. Нет, утонуть он не боялся, на воде держался уверенно, но морские просторы невольно ошарашивали, вызывали внутренний трепет и почтение перед стихией. Поэтому он каждый раз, поплавав вволю, грелся на берегу и с волнением всматривался в горизонт, ища в этой пучине свою любимую. Как ребёнок, не скрывал радости, когда она, счастливая и немного уставшая, возвращалась на берег, как субмарина из дальнего похода. Он накидывал ей полотенце на плечи, протягивал расчёску и целовал, словно они не виделись вечно. Она пахла морем, улыбалась и отвечала взаимностью.

...Начинался шторм. Небо, такое ласковое и пронзительно голубое, вдруг посерело. Волны стали вскидывать белые барашки и накатываться на берег со змеиным шипением, всё прибавляя и прибавляя в басах. Света, его Света была где-то там, на горизонте! Он едва видел эту драгоценную точку, точку отсчёта его новой жизни после Валентины. Её уносило всё дальше от берега... Он чувствовал, что пришла беда! Он бросился в море. Волны били в лицо, он глотал солёную воду, не успевал выплюнуть, как очередная порция морской воды вливалась в его лёгкие. Он отплёвывался, кашлял, задыхался и плыл, плыл, изо всех сил гребя к той далёкой точке, что было его Светой. Расстояние постепенно уменьшалось. Но медленно. Катастрофически медленно, как во сне, когда вроде и бежишь, но получается бег на месте. Сил больше не было. Нет, это не Дон с его поросшими крутыми и пологими берегами. Он бы уже раз пять против течения добрался до одного из них. Тут – бесконечность, бушующая и всё поглощающая! Только маленькая точка, его Точка, как он когда-то её назвал, сократив от Светочка. Теперь эта точка была болевая – о неё терял... Ни берега, ни неба, ни земли! Света-а-а!.. Он кричал, он звал, он молил все стихии! Он причитал, заклинал и кричал, кричал, срывая осипшие связки!..

Он почти её коснулся. Она повернулась к нему, улыбнулась и вдруг... скрылась под водой... Прошла минута. Другая...

Пашка метался вокруг себя, нырял, искал, звал! Наконец он закричал всей мощью своих лёгких! Он понял – это всё!.. Вдруг из пучины взмыла в поднебесье морская чайка. У неё были черты Светы. Её глаза! Чайка покружилась над Пашкой и полетела к горизонту, что-то жалобно выкрикивая, словно плача. Она прощалась...

Он очнулся. Сердце его бешено колотилось. Под окном их первого этажа вопили дерущиеся коты. «Вот тебе и чайки!..»

- Пух! Ты что не спишь? Ещё рано.
- Да вот, слушаю чаек...
- Каких чаек?... Это коты гуляют! Хм! И в самом деле немного похоже... Спи, чайка моя любимая!
- И тебе доброго утра, моя Точка... точка, запятая...
- Если не высплюсь, будет у меня рожица кривая... Спим!

Глава восьмая

До встречи с Валентиной ещё было время. Пашка немного успокоился. Вот сейчас отработаем Киров, затем Омск, и лишь потом будет Новосибирск, куда она должна приехать. Прорва времени! Ещё всё может измениться. Как говорят на Востоке: «За это время или ишак сдохнет, или эмир помрёт!» Валентина сейчас во Франции, оттуда, может, ещё куда поедет. Их воздушный полёт не вылезает из-за бугра. Они нарасхват у импресарио. Дай бог! Номер стоящий, ничего не скажешь. Но встречаться никак не хотелось. Только-только в семье всё начало налаживаться...

Был выходной. Погожий денёк. Город Киров не бог весть какой красавец, но мест интересных тут достаточно. Пашка со Светой решили пройтись по любимой набережной Грина, полюбоваться на реку Вятку, что стелется голубой лентой внизу под обрывом. Улететь душой в бескрайние вятские просторы в сторону знаменитого Дымково, посидеть на скамейке в прохладной тени берёз. Хорошо!..

Они неторопливо шли по неширокой улочке. Впереди виднелся храм из красного кирпича. На одном из двухэтажных домов с потёртыми боками висела старая кособокая табличка: «улица Коммунистическая». Сверху её красовалась новая. Теперь здесь всё, как и везде, переименовали...

– Странное дело! Наверняка эта улица до революции называлась «Церковная» или «Монастырская». Зачем нужно было всё переименовывать в противоположное? Теперь вот опять снова-здорово...

Подошли к храму, остановились. Уж очень он красиво смотрелся на фоне безоблачного голубого неба. Пашка, немного смущаясь, торопливо осенил себя крестным знамением.

– Тлетворное влияние Захарыча! – дурашливо прокомментировала Света увиденное. – А ещё наверняка был комсомольцем! Ай-ай-ай, товарищ Жарких!

– Комсомольцем был, точно. В Афгане приняли. Там всех подряд гребли – верил не верил, вперёд! Но пацаны в лихую минуту не комсомольский значок целовали, а нательный крестик – так надёжней...

Света помолчала. Улыбка сползла с её лица.

– А я вот даже не крещёная. Родители были то ли атеистами, то ли просто равнодушные к небесным темам. Короче, я нехристь!

– Это надо срочно исправить. В нашей компании нет места безбожникам!

Пашка прижал к себе Свету, чмокнул её в щёку и закончил:

– А что, давай тебя покрестим!..

– Да ну! Что, вот так просто?

– А мы сейчас всё и узнаем. – О ни шагнули за ограду, окружавшую храм...

Захарыч стоял с горящей свечой в руках, торжественный, с восторженно блестящими глазами. Он был весь погружён в процесс происходящего. Пахло ладаном. Потрескивал стеарин. Образа таили молчание. Лики, строгие и улыбающиеся, смотрели на людей то ли с укором, то ли с жалостью и состраданием. Густой баритон отца Симеона в сопровождении двух подпевающих нестройными, тоненькими голосами прихожанок звучал велеречиво, раскатисто и как-то очень убедительно. В самом воздухе нижнего предела храма Святого Серафима Саровского вокруг сверкающей полированными боками купели витало что-то запредельное, загадочное, недоступное пониманию человека.

– От Твоего Имени, Господи Боже Истины и Единородного Твоего Сына и Святого Твоего Духа, возлагаю руку мою на рабу Твою Фотинию, удостоившуюся обратиться к Святому Твоему Имени и под покровом Твоим обрести защиту. Удали прежние её заблуждения, наполни

её Твоей верой, надеждой и любовью, пусть уразумеет она, что Ты и Единородный Твой Сын, Господь наш Иисус Христос и Святой Дух: Единственный Истинный Бог... – Отец Симеон осенил себя крестным знамением. Все присутствующие, как по команде, повторили за батюшкой сие действие.

Захарыч, подтянутый, строгий, ходил вокруг купели за священником и Светой, которая была облачена в длинную белую рубаху с такими же длинными рукавами, и был невероятно горд моментом – он крёстный отец! Отец! У него появилась дочь! Света!

Тут же были и Пашка с Венькой. Крёстной матерью сегодня выступала Ольга Борисова. Она немного волновалась – это вам не со львами в клетке один на один, с которыми она управлялась влёгкую. Тут общение покруче... Захарыч знал её отца – Владимира Борисова, великого дрессировщика и артиста. Уважал его как мастера и человека, поэтому выбор крёстной пал на Ольгу сразу же, как только об этом встал вопрос. Она, громогласная, волевая, тут же огласила на весь цирк: «Светка! Будешь в дочках у меня ходить! Если что с Пашкой “не туда”, скормлю львам! Мы ещё вас венчать будем!..»

Женя, муж Ольги, некогда классный вольтижёр, а теперь её ассистент и правая рука, тоже держал свечу, крестил лоб двуперстием. Все его родственники были староверами. Отец Симеон обратил на это внимание, зыркнул глазами, повысил и без того мощные децибелы своих связок, дёрнул плечом. Женька замер с двуперстием, вместо осенения почесал лоб. Растерялся, скукожился. По-своему крестился, только когда строгий батюшка поворачивался к нему спиной.

Отец Симеон подул на уста крещаемой, её лоб, грудь, обратился к Всевышнему:

– Изгони из неё всякого лукавого и нечистого духа, скрытого и гнездящегося в её сердце...

Света светилась удивительным внутренним светом. Ах, как точно сейчас ей шло её имя! Она была воплощением света! Натальный крестик, купленный накануне, сиял маленьким солнцем на её груди...

Пашка залюбовался женой, отвлёкся и по инерции воткнулся в могучую спину отца Симеона. Тот, не прерывая молитвы, угрожающе качнул кадилом в сторону нарушителя таинства, продемонстрировав при этом недюжинный кулак, и многозначительно стрельнул глазами. Пашка невольно сделал шаг назад и наступил на ногу Веньке, который, в свою очередь, что-то буркнул и врезался в Женьку. Тот ойкнул. Ольга свирепо взглянула на мужа. Женька мимикой показал ей своё отчаянное положение, типа: «А что я! Я – ничего! Я-то здесь причём?» – и опустил глаза. Оля в клетке пресекала всякое львиное неповиновение мгновенно. Как и на манеже, в храме она по-прежнему оставалась Ольгой Борисовой, заслуженной артисткой, укротительницей африканских львов!

Небольшая заминка была преодолена отцом Симеоном очередным повышением его мощного, чуть хрипловатого голоса и взглядом, полным укоризны. Фотиния улыбнулась, сжала губы, сдержав невольный смех. Голова крещаемой тут же исчезла в купели, куда безо всякого предупреждения кунул её отец Симеон.

– Крещается раба Божья Фотиния во имя Отца! Аминь! – Света едва успела набрать воздуха в лёгкие, как волосатая рука батюшки вторично попыталась её утопить в святых водах купели. – Сына! Аминь! И Святого Духа! Аминь!..

Экзекуция с водой была закончена. Света виновато улыбалась – она едва не испортила таинство своей гибелью. Но, Слава, опять же, Богу – всё обошлось... Пашка, поигрывая скулами, безо всякого пиетета смотрел на такого бесцеремонного слугу Господа.

Потом Свету мазали елеем, водили к алтарю, совершали всё положенное. Отец Симеон, ближе к концу, неожиданно оттаял и стал даже вполне миролюбивым дядькой. Его пригласили в цирк, но он деликатно отказался.

Вечером, после представления, в гостинице закатали пир! Оля с Захарычем восседали во главе стола, гости по кругу, а Света с Пашкой скромно в углу. Новообращённая сидела с тихой улыбкой, как Рафаэлевская мадонна. Аромат благоухающего миро до сей поры витал над ней. Пашка принюхивался, улыбался и периодически целовал жену в лоб. Сегодня в их жизни произошло нечто Великое...

Глава девятая

Пятница. Представление прошло как-то легко и радостно. Тёплый летний вечер не спешил в ночь. Было ещё светло. Пашка со Светой решили пройтись по парку, вокруг пруда, что рядом с цирком. Они разговаривали. Пашка шутил, периодически нежно трогал талию Светы. Незаметно вышли на Октябрьский проспект. Слева оказалась гостиница «Вятка». Уютными люстрами манил ресторан.

– А не отужинать ли нам в сим прекрасном заведении? Не потряхнуть ли, так сказать, мощной! Благо до зарплаты рукой подать! Гульнём? – Пашка прищурил глаз. Света подумала и утвердительно кивнула:

– Эх, гуляй рванина от рубля и... ниже! – Света поддержала разухабистое настроение мужа.

– Не-е, Точка! Экономить мы с тобой не будем! Мы же не коты Матроскины! Пропьём всё до копейки!..

С этим радостным, безоблачным настроением они и вошли в ресторан.

В зале звучала негромкая музыка. Бармен сбивал коктейль для «своеобразного» клиента с женскими манерами и блудливым взглядом. Тот сидел на высоком стуле у барной стойки и поигрывал ножкой. В глубине притемнённого зала шумела компания из нескольких человек. Вокруг них «крутился на пупе» официант. «Видать, люди не простые», – подумал Пашка, выбирая место, куда присесть.

– Сюда садиться не стоит! Это место постоянных посетителей... – туманно объяснил подошедший официант с кожаным талмудом меню подмышкой.

– Их же нет пока! Мы посидим здесь? Тут удобно, красиво.

– Ваше счастье, что нет. Не дай бог придут. Лучше пересядьте от греха подальше...

Пашка со Светой переглянулись, хмыкнули, пожали плечами и сели поближе к окну, в метрах десяти от «греха подальше». Официант облегчённо выдохнул и стал терпеливо объяснять что есть на кухне в наличии. Неожиданно он принёс бутылку красного дорогого вина.

– Мы не заказывали! – Пашка поднял брови на официанта.

– Это вам во-он от того столика...

В той стороне, куда он показал, обозначилось движение. Оттуда приветственно махали руками, подняв большие пальцы вверх.

– Менты гуляют!.. – с глубоким вздохом и какой-то затаённой горечью прозвучало от официанта.

Один из компании встал и нетвёрдой походкой подошёл к столику, где сидели Пашка со Светой в ожидании заказанных яств.

– Ребята! Мы вас узнали! Вы классные артисты! Видели вас в цирке на представлении – дежурили там позавчера. Давайте к нам, посидим, выпьем!

– Спасибо большое! Мы так наломались сегодня, что хочется просто побыть в тишине, поужинать. Готовить уже руки не поднимаются. Вы уж нас извините! Надеюсь, поймёте – не в обиду!

Подошедший поднял руки вверх, мол, понимаем, сами трудимся в поте лица.

– Если что, мы на страже порядка и закона всегда и везде! Кто обидит – мы рядом! – отрапортовал он. Отдал честь, приложив руку ко лбу, галантно поклонился и, пошатываясь, поковылял к коллегам. Там вскоре раздался взрыв хохота – обломался!..

– К пустой голове руку не прикладывают!.. – Пашка тихо и двусмысленно сопроводил отход восвояси доблестного стража порядка и закона.

Они неторопливо ели, слушали музыку, наслаждались блюдами. Света попивала глоточками подаренное вино. Оно было и впрямь восхитительным.

Вдруг вокруг что-то мгновенно изменилось. Компания на дальних столах затихла, бармен замер. Клиента, что восседал за барной стойкой, словно ветром сдуло. Официанты вытянулись во фрунт. В воздухе повисло напряжение. Словно листвою зашелестело: «Прокопские! Прокопские!..»

В зал вошли шесть человек в длинных пиджаках, чёрных рубашках с распахнутыми воротами, в золотых перстнях, таких же часах и цепочках на шеях, толщиной с цепь дверную. Каждый из них держал в руке приметку времени и гордость настоящего делового человека – чёрный прямоугольник невероятно дорогого мобильного телефона с выдвижной антенной. Движения их были подчеркнуто неторопливыми, тягучими, словно им было лень шевелиться и всё окружающее смертельно надоело. Они оглядели зал, направились к столу, от сидения за которым недавно отговорили Пашку со Светой. Официанты со всех ног бросились сдвигать столы для «дорогих гостей».

– Понятно! Вспомнишь солнце – вот и лучик!.. – пробурчал Пашка, не поднимая головы, озвучив предсказание ясновидящего официанта.

– Что случилось, Пух?

– Да ничего особенного – местная братва пожаловала!

– Какая братва? – Света не сразу сообразила.

– Бандосы...

– Ну, мы же их не трогаем! Они сами по себе, мы тоже...

– Хорошо, если так. Но лучше, как в том еврейском анекдоте: «Не знаю, о чём вы тут говорите, но ехать надо!..» И побыстрее. От того самого греха, о котором предупреждал официант. Помнишь, как там у Грибоедова: «Ах! От господ подалей! У них беды себе на каждый час готовь. Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь!..»

Официанты скоропалительно накрывали столы. Там уже подняли рюмки, сдвинули и с видимым смаком-шиком опрокинули в раскрытые рты. «После первой и второй...» Закусили. Огляделись ещё раз...

Пашка жестами подзывал официантов, чтобы расплатиться и уйти. Его заметили. Браток с замашками борца тяжёлой комплекции классического стиля подошёл, наклонился, дыхнул спиртным.

– Чё, брателла, крыльями машешь! Не видишь, люди заняты! Твоя маруха? Потанцуем?

– Я сегодня уже натанцевалась! – Света смело посмотрела в глаза неожиданному кавалеру. – Вон того суженого-ряженого пригласи! – она указала на испуганно выглядывающего персонажа в зауженных брючках и с манерами переспелой девственницы. – Он с радостью! А мне сейчас не до сук!.. – Последнее слово она выделила. Но расслышать в этом слове подвох дано было не каждому. Пашка оторопел от такой смелости своей жены.

– Ты чё, бикса, страх потеряла?

– Вали! Иначе перо в бок получишь! – Пашка привстал, поиграл ножом, которым только что терзал в тарелке мясо. Его не то что воткнуть куда-то было невозможно, он и резать-то не резал. Но тем не менее – шаг был сделан. Выбор тоже...

Тот, кому Пашка угрожал, вдруг заржал как владимирский тяжеловоз. Присел на свободный стул. По пути достал из-за спины ТТ, красноречиво положил его на стол и никак не мог остановиться, зайдясь в приступе смеха. Его компания внимательно смотрела на происходящее.

Пашка стоял со столовым никелированным ножом бледнее бледного, понимая, что сейчас произойдёт. Он наклонил голову, сверля глазами противника. Его визави заходился смехом, явно будучи под «марафетом», но на всякий случай тоже не спускал глаз с Пашки...

Эти отчаянные ребятки девяностых вертели всех и вся, в том числе и себя. Это был повсеместный смертельный аттракцион безудержной смелости, который мог случиться лишь в этой развалившейся, почти неуправляемой гигантской стране. Жили они широко, с разма-

хом. И недолго. Большинство из них время смахнуло со стола жизни, как рачительная хозяйка тряпкой крошки, оставив роскошные памятники на погостах и безымянные могилы в пригородных лесополосах...

Все наивные познания о Кирове у Пашки были связаны с тем, что здесь была родина дымковской игрушки, художников Васнецовых и любимого писателя Александра Грина. По рассказам одного знакомого здесь также была фабрика каких-то невероятных баянов. Отсюда, утверждали знатоки, начинался знаменитый на всю страну Великорецкий крестный ход, в котором участвовали тысячи верующих и о котором мечтал Захарыч. Здесь только что крестили Свету, а благодарные зрители с сияющими лицами ежедневно устраивали им овации, при встрече говорили приятные слова. И вот это радужное представление о древнем Вятском крае столкнулось с реальной действительностью в лице братков, которые сейчас были перед Пашкой и Светой. Карамельные иллюзии развеялись, как утренний туман над Дымковской слободой...

Надо было что-то срочно предпринимать. Помощи ждать было неоткуда. Представители доблестной милиции как-то быстро и незаметно исчезли, словно тени в сумерках. Пашке пришла на ум шальная идея. Он вдруг успокоился и сразу пошёл ва-банк:

– Так бы никогда не поступил Вячеслав Кириллович Иванов. Жаль, что его здесь нет. Но при встрече я ему расскажу о вашем кировском гостеприимстве!

– Что за фраер твой – Вячеслав Кириллович?

– Думаю, Иванову это определение не понравилось бы!.. Люди его знают как Ассирийский зять, Кириллыч, Дед, Япончик. Но для нас, цирковых, он всегда был Батя. Мы под его защитой!..

Смех оборвался на полуноте. Пистолет снова спрятался за спину под пиджак. На груди виновато шевельнулась золотая цепочка, навязчиво вылезшая из-под распахнутого ворота. Улыбка стёрлась. На лице отобразилось замешательство, граничащее с паникой. «Чернорубашечник» на полусогнутых отвалил. Подошёл к своим. О чём-то пошептался с главным. Подошёл снова.

– Уважаемые! Просим вас к нашему столу. Очень просим!

– Мы уже уходим.

– Сам Кипиш просит, подойдите!

Пашка неохотно встал, подошёл к столу «Прокопских». Света осталась на месте. Кипиш, как его называла братва, внимательно посмотрел на Пашку.

– Циркач?

– У нас говорят цирковой.

– Неважно. Откуда Японца знаешь?

– Его многие наши знают. Он учился в цирковом училище, был воздушным гимнастом, пока не упал с трапеции. Вячеслав Кириллович сказал, если что, – к нему обращаться.

Пашка пересказал всё, что знал от цирковых стариков, намёками причисляя себя к знакомым Япончика, что было откровенным враньём. Но чего не сделаешь в отчаянные минуты. В данный момент это получалось у него вдохновенно и весьма убедительно. На местного авторитета спокойствие «залётного» произвело впечатление – кто этих циркачей знает! Может, и вправду! Они, в конце концов, такие же «джентельмены удачи». Их бродячая жизнь тоже зависит от Фортуны и её Величества Судьбы...

– Не знал, не знал, что Япончик с цирком связан. То, что с эстрадой дружит, слышал. С Ёсей там и ещё с некоторыми достойными людьми. Ты-то сам по жизни кто будешь?

– Жонглёр. Жена с лошадьми работает.

– Зовут как?

– Павел. Паша Жара.

– Погоняло?

– Нет. Имя и фамилия такие.

– Хм! Звучит, как кликуха, красиво! Ладно, Паша Жара, будь гостем. Отдыхай! Никто не тронет. Если проблемы будут в городе, скажешь, что «Кипиш» – твой кореш! На пушечный выстрел не подойдут. Мы ваш труд тоже уважаем. Как вам копейка даётся – в курсе, не слепые.

– Мы уже уходим. И так засиделись. Завтра два представления.

– Ладно, давай, братуха! Удачи! Если что, знаешь, где найти. Спросишь «Прокопских», подскажут! Тут нас каждая собака... – Он хлопнул по ладони Пашки с азартом и с каким-то остервенением. – Все под богом ходим...

Последнее он сказал как-то с грустью, не смотря Пашке в лицо, словно говорил сам с собой. В нём на мгновение мелькнуло что-то человеческое...

Глава десятая

Это был странный разговор. После него осталось «послевкусие», какое бывает после обильных возлияний и последующего похмелья или как после тяжкого сна, который впивается в память своей гнетущей несуразностью и долго не проходящей муторностью...

В кабинете директора Кировского цирка Павла встретил человек в серой пиджачной паре.

– Меня зовут Александр Николаевич!.. – Он сделал выразительную паузу. Его серые внимательные глаза впились в Павла. Так обычно смотрят стоматологи перед тем, как сделать обезболивающий укол, а потом вырвать зуб... Он был не высок и не низок, не молод и не стар, не хмур, но и не улыбчив. Говорил не тихо и не громко, интонируя и расставляя в своём тексте акценты исключительно в нужных местах. Важное запоминалось как-то легко и основательно. Он же при всей своей выразительности был абсолютно нейтральным, не запоминающимся. Если бы Павла попросили описать этого человека, он бы не смог. Это было какое-то размытое серое пятно...

– Я представитель Министерства культуры. Начальник отдела коммерческих зарубежных связей. В данный момент – ваш куратор. – Александр Николаевич пожал Павлу руку и присел в соседнее кресло. – Кофе, чай?

– Спасибо! Мне ещё репетировать. – Павел пытался понять причину неожиданного вызова «на ковёр». Он отметил, как директор цирка чуть ли не на цыпочках, с подчёркнутым подобострастием, выскользнул за дверь. «Хм! Министерство культуры! Не хухры-мухры! Такие визитёры тут, видимо, не частые гости! Вон директор «лебединое озеро» танцует...»

– Чем могу, Александр Николаевич? – Пашка приготовился к беседе.

– Мы в курсе, что вы принимали участие во многих цирковых конкурсах. Даже в международных! Призовые места для вас стали нормой. Похвально!

Пашка иронично и с нескрываемым вызовом посмотрел на сидевшего перед ним чиновника от культуры.

– Неужто к званию хотите представить? А то мои художественные руководители уже устали рекомендации писать! От вас, под разными предлогами, каждый раз приходят вежливые отказы.

– Не торопитесь, Павел. Какие ваши годы! Всё у вас будет! И звания тоже. Станете вы и заслуженным артистом, и народным. Всему своё время... А сейчас речь вот о чём. Мы хотим выйти на новый рынок, где наш цирк стал бы коммерчески успешным. Нас интересует Ближний Восток. В частности Иран. Регион не из лёгких, прямо скажем. Там есть несколько местных цирков, а вот наш там никогда не был. Они организуют международный конкурс, и мы хотим туда послать вас с вашим номером. Вы отработаете там короткий срок, присмотритесь, потом дадите рекомендации, стоит ли с ними связываться, насколько это может быть серьёзно с точки зрения творческого обмена и бизнеса. Здесь ещё и политическая составляющая, сами понимаете...

– Да, но почему я? Есть масса достойных номеров, которые много сильнее моего! К тому же я связан со своей женой, у которой конный номер, где я ассистирую.

– Мы в курсе. Сделаем всё необходимое, чтобы номер вашей жены несколько не пострадал. К тому же, вас не будет всего какой-то месяц. А почему конкретно вы, постараюсь коротко объяснить. Во-первых, у вас минимум реквизита – кольца и костюм. Случись что, возвращаться будете без потерь – всё с собой. В самолёт, и вы дома. Второе! Вы хоть и немного, но говорите на фарси. Это важно! Поедете без переводчика и какого-либо сопровождения. Общаться с местными придётся плотно. К тому же Ближний Восток для вас не новость. У

других такого опыта нет. Вы же воин-интернационалист, если не ошибаюсь? Боевая награда есть, ведь так?

Пашка неопределённо пожал плечами. Зачем на цирковом конкурсе в Иране такой опыт? Ему вообще всё это хотелось давно забыть...

– Мы на вас очень рассчитываем! Человек вы проверенный, серьёзный. И дело, которое мы вам поручаем, тоже не лёгкая прогулка к старику Хоттабычу в гости!..

Павел заёрзал. Ехать в какой-то там Иран никак не хотелось. Особенно сейчас, когда со Светой вроде всё наладилось, и они снова почувствовали вкус к семейной жизни.

– Я могу подумать?

– Конечно! Думать надо всегда. Но в нашем случае – это нечто большее, чем просьба... – Куратор вперил свой пуленепробиваемый взгляд в глаза Пашки, словно гипнотизируя.

– Когда ехать?

– Через неделю! – Александр Николаевич остановил протестующее движение жонглёра. – Билеты уже приобретены!.. Вот вам небольшой подарок: простенький разговорник на русском и фарси. Мало ли, пригодится. А это... – куратор сделал эффектную многозначительную паузу. – Сборник стихов вашего любимого Хафиза. Видите, мы знаем все ваши пристрастия! Это действительно достойный поэт! У вас хороший вкус! – представитель Министерства культуры, как бы невзначай, коснулся плеча Пашки.

– А теперь слушайте, Павел, внимательно! Очень внимательно! – Александр Николаевич подался вперёд и словно залез к Павлу в мозг, в очередной раз не спрашивая на то разрешения. Его голос зазвучал где-то внутри Пашкиной плоти – он мог поклясться в этом!.. «Что за наваждение? Ну, не спит же он! Вот фокусы!..»

– Обязательно посетите в Ширазе, где вы будете работать, Мавзолей Хафиза. Он представляет из себя открытый павильон, расположенный в саду Мусала, выполнен в виде беседки с восемью колоннами десятиметровой высоты, которые поддерживают медный купол в форме шляпы дервиша. Вот как он выглядит на фотографии. – Представитель Министерства культуры показал Пашке цветное фото. – Прижмитесь спиной к любой из колонн, загадайте желание – говорят, сбывается. Читайте стихи из подаренного вам сборника. Простоять у колонн нужно около получаса. Если сможете, чуть больше. Это очень важно! Ну не всё время, конечно, с перерывами, чтобы не вызывать у окружающих недоумение. Как-нибудь ненавязчиво. Посидите там на ступеньках. Так делают многие, приходящие туда. Погуляйте, побродите по саду. Там есть где спрятаться от солнца. Посидите в уединённом уголке, понаблюдайте как иранцы приходят на могилу поэта. Вы сможете увидеть, как люди исполняют faal-e Hafez – популярный ритуал, в котором иранцы пытаются предсказать своё будущее, открывая наугад томик стихов поэта. Те слова, что первые попадутся на глаза, надо трактовать, как свою судьбу. Получите, Павел, удовольствие от жизни!.. Запомните – сделать это нужно во вторую или четвёртую среду месяца с часу до двух дня по местному времени. У вас будет всего две такие среды. Не забудьте и не пропустите! Пожалуйста, запомните! Это важно! Подчёркиваю, очень важно! Среда! С часу до двух!.. И последнее. Кто бы что у вас ни попросил – отдайте! Слышите? Кто бы что ни попросил...

Глава одиннадцатая

Пашка вылетел из Кирова рано утром, когда в Москве ещё только рассветало. Он ёрзал в неудобном кресле «Тушки», не мог сомкнуть глаз. Мысли наваливались со всех сторон. Планы не выстраивались в логическую цепочку. Эмоции и вопросы со многими неизвестными бередили душу, путали сознание. Пашка был подавлен, смят, всё в нём было «против шерсти». Его выбили из привычного уклада и ритма цирковой жизни. Света, Захарыч, Веняка остались где-то там, за тысячу километров, в Кирове. А он, оторванный от них, оказался в самолёте, по пути в Москву. Это как безо всякого предупреждения вытащить человека из тёплой гостиничной постели, сказать, что он выселен и ему нужно срочно освободить номер! На улицу, в исподнем, без вещей – марш!..

Пашка летел, вздыхал, долго не мог нащупать точку душевного покоя, пока не послал всё со словами: «Что будет, то и будет! Чего бежать впереди паровозного гудка!..» Последние слова он неожиданно для себя сказал вслух. Соседка рядом приоткрыла глаза, очнувшись, сонно переспросила, о каком гудке идёт речь? Пашка замешкался, потом выкрутился:

- Я хотел спросить, нет ли у вас случайно «Гудка» – газеты?
- Откуда? Мы же в самолёте! Тут – аэрофлот, не газетный киоск!
- А-а, ну да, ну да... Простите...

Снова окунулись в сонное царство Морфея. Турбины делали свою работу, съедая расстояние. Салон дремал. Пашка летел параллельно с «Ту» в своих неудобных мыслях. Соседка вдруг наклонилась к нему с вопросом:

- А зачем вам «Гудок»?
- А? Что? Какой гудок?
- Ну, вам нужен был «Гудок»!
- Какой гудок? Зачем? Я не паровоз!..

– Хм!.. – Соседка пожала плечами и отвернулась к окну. Мысленно она наверняка обозвала его придурком! Зачем будил?..

...Он остановился перед входом в гостиницу «Арена», что близ метро «Спортивная». Сколько раз он тут бывал, когда приезжал к Валентине! Тут всё напоминало о ней и только о ней. Сердце невольно сжалось. Он толкнул стеклянную дверь...

Администратор без промедления, с заученной улыбкой, как дорогого и явно ожидаемого гостя, отправил его на восьмой этаж в одноместный номер 8–8. «Паспорт принесёте потом. Заселяйтесь! Завтра в полдень придёт машина, которая доставит вас в аэропорт».

Какие-то невидимые ангелы управляли процессом, всё шло непривычно гладко, словно он был в этом мире весьма значимой фигурой.

«Странно! – подумал Пашка. – Откуда такая забота о простом цирковом артисте? То лишнего клочка сена у руководства не выпросишь, костюмы без «крови» не пошьёшь, а тут – самолёт вместо положенного купе или плацкарта, машина к подъезду. Ведь могут, когда им нужно!..»

Пашка повесил портплед с костюмами и кольцами во встроенный шкаф. Сумку пристроил под столом. Вещей было немного, летел налегке. Настроение было пресное, не куражное. С одной стороны, слегка давила ответственность, которую на него возложили – он представлял страну, летел на конкурс. Ну, тут всё ясно – дело привычное. С другой – нужно выстроить отношения с иранцами так, чтобы было дальнейшее продолжение этой «песни» для всего советского цирка. Вот это его напрягало по-настоящему – он всего лишь простой жонглёр, не дипломат! Единственное, что его сегодня хоть как-то радовало, так это скорая возможность побывать в волшебных мирах Ближнего Востока, о которых он когда-то грезил. Сказки «Тысячи и одной ночи» жили в его романтической душе и поныне...

Пашка отодвинул штору, открыл балконную дверь и шагнул на площадку, ограждённую облупившимся бетонным парапетом. Пахло бензином. Узкая улица 10-летия Октября ревела внизу моторами, оглушала короткими, но какими-то злыми звуками клаксонов такси, шипела шинами проезжающих машин. Резанула по ушам тревожным воем сирена скорой помощи. Справа отливала золотом колокольня Новодевичьего монастыря, проглядывали из-за деревьев купола Смоленского храма. Впереди, на Воробьёвых горах, по-прежнему гордо и одиноко высился Московский университет. Пашка улетел к нему душой... Сколько они с Валентиной, вот так же, стоя на балконе, любовались этой панорамой. Прошло всего-то шесть лет. Неудержимо захотелось постоять на том же месте, как тогда...

Пашка, не сопротивляясь внутреннему позыву, прошёлся по ковру просторного фойе, вызвал лифт и поднялся на десятый этаж. На их этаж...

В нём всё затрепетало. Вот их номер 10–12, первый от лифта. Он погладил полированную дверь...

– Вы к кому? – Знакомая дежурная выглянула из своего маленького служебного кабинета.

– Я... Я тут... – Пашка замешкался, не зная, что сказать, словно его застали за каким-то неблаговидным делом.

– Там никого нет, номер не заселён. Вы что-то хотели? – Дежурная по этажу внимательно его рассматривала. Вдруг она улыбнулась.

– А я вас помню! Вы, кажется, Павел? Тут жила ваша жена Валентина из воздушного полёта «Ангелы», вы к ней часто приезжали. Я не ошиблась?

– Всё верно... – Пашка облегчённо выдохнул. – Всё разъяснилось, а то пришлось бы врать, выкручиваться.

– А где ваша красавица? Я её в кино видела несколько раз. Мама её тогда тут бывала. Мы всё бегали на неё украдкой посмотреть – звезда экрана как-никак! Дочка вся в неё! Всё летает? Вы – счастливый муж!..

Пашка замялся. Вопросы задали, надо было отвечать. Приведётся работать в Москве, всё равно узнают. Лучше сейчас, заранее...

– Бывший... муж.

Дежурная была немолода, повидала всякого в жизни. Вздохнула, отвела глаза.

– Хотите, открою номер?

Пашка помедлил, но кивнул утвердительно.

Здесь пахло так же, как тогда. Кровати стояли так же. Заправлены такими же коричневыми покрывалами. Шкафы, тумбочки, скудная мебель в комнате и на крохотной кухне – всё помнил его. И он помнил всё...

Неожиданно штора вздулась от сквозняка, будто прошлое попыталось ворваться в его жизнь. В коридоре кто-то заботливо закрыл дверь. Она жалобно пискнула, словно и ей было больно. Сероватый полупрозрачный тюль тут же обвис. «Дежурная... – понял Пашка. – Деликатная, добрая, всё понимающая женщина! Как мама...»

Он постоял у окна, полюбовался на пейзаж Лужников, живший все эти годы в его памяти. Их Лужников!..

Пашка подошёл к косяку комнатной двери. Вот они – карандашные отметины роста их с Валентиной сына. Вымышленного сына. Которого он так тогда хотел!.. Пашка словно услышал голос из прошлого: «Есть идея! Представь, что я тебе уже родила сыночка – нашего маленького первенца, хм, – Раз-Пашёнка. Сейчас, скажем, 1992-й год и ему два годика. Значит, рост его должен быть приблизительно вот такой! – Валентина провела черту на дверном косяке. – Пишем: 1992-й... Хм, люди увидят, с ума сойдут – пока только 1985-й... В следующий раз, когда ты ко мне придёшь, наш сыночек подрастёт, и мы оставим очередную черту с датой – предположим, 1993-й... Когда я отсюда буду уезжать, наш сын будет совсем взрослым. Однажды, в том самом будущем, о котором сейчас мечтаем, мы его, настоящего, приведём

сюда, в этот номер «10–12», и покажем карандашные отметины. Они совпадут с его временем. Расскажем ему о нашей игре-мечте, и он поймёт, насколько его папа и мама были счастливы! Он всё поймёт!...»

У Пашки сжалось сердце – всё как будто вчера! Комок подкатил к горлу. За окном 1996-й год. Тогда всё ещё только начиналось. Они даже не были женаты, хотя всем говорили, что муж и жена. Пашка учился в цирковом училище, Валентина тогда уже была известной артисткой. Она не единожды работала в Московских цирках, и он не один раз приезжал к ней сюда. Когда же они стали по-настоящему мужем и женой, на дверном косяке этого номера оставили ещё несколько отметин, продолжая многолетнюю игру...

Время растянулось и скрутилось жёстким жгутом. Оно сдавило шею, лишив дыхания. Он помнил всё до мельчайшего звука, жеста, запаха...

Пашка выскочил из комнаты, едва не сбив дежурную, которая стояла в фойе у телевизора. Он успел прошептать «спасибо», бросился по лестнице вниз на свой этаж. В гостинице он больше находиться не мог. Надо было выбираться на улицу. И как можно скорее...

Пашка немного успокоился, выйдя на Усачёвку. Прошёлся по парку, избегая тех маршрутов, где они гуляли с Валентиной. Под ложечкой после всех переживаний сосало. Он решил где-то перекусить. Ничего лучшего не придумал, как прокатиться на метро до «Университета», зайти в цирк на проспекте Вернадского, узнать новости и пообедать...

Цирк встретил своей привычной размеренной суетой. Артисты репетировали сразу на двух манежах. Униформисты таскали реквизит, подметали закусилсье. Тут же шла активная погрузка багажа и животных, отъезжающих на гастроли. Взмывленный начальник транспортного отдела метался по цирку, крыл крепким словом и подгонял неторопливых, чтобы шевелили «булками» – машины ждут! Его перекрывал голос инспектора манежа: «Закрывайте двери – сквозняк! Без спин останутся люди!» Кого-то вызывали к начальству, в бухгалтерию. Всё это было шумно, буднично и по-деловому...

Пашку встретили радостно. Знакомых оказалось предостаточно. Он словно попал домой, в огромную коммунальную квартиру. Настроение поднялось! Он улыбался, бесконечно отвечал на объятия своими объятиями, на приветствия и радостные возгласы – своими эмоциями. «На всё добро ответим мы добром, на всю любовь ответим мы любовью!...» – невольно вспомнил он строки поэта Николая Рубцова.

До отлёта оставались сутки. Он решил пройтись по любимым московским улочкам и переулкам. Надо было где-то черпать запас любви и терпения, чтобы пережить месячную разлуку со Светой, Захарычем и Венькой...

Глава двенадцатая

Вечерний Иран встретил Пашку невероятной духотой. Он вышел из здания аэропорта и невольно замедлил шаг. К ожидающему его автобусу он шёл словно через ватное одеяло, настолько воздух был плотным и осязаемым. Сопровождающим его иранцам было хоть бы что, а Пашка мгновенно потёк. После прохладной августовской Москвы такая разница в температуре была для него полной неожиданностью. Теперь стало понятно, почему Александр Николаевич на вопрос о погоде «там», ответил уклончиво: «Ну... чуть жарче, чем здесь...» Хм, чуть!..

...По всему полуторамиллионному Ширазу были развешаны огромные афиши с размалёванными лицами клоунов, балансирующими канатоходцами, тиграми и львами, летящими в огненные кольца с оскаленными пастьями. Громадные жёлто-красные плакаты «Circus Khalil Oghab» зазывали, манили, обещали фантастическое зрелище! Через каких-то несколько дней этот город ожидало небывалое событие – международный конкурс циркового искусства, который организовал самый известный артист в Иране, родившийся в этом городе – Халил Огаб.

Когда въехали в огороженный турникетами и решётками двор цирка, Пашка был впечатлён масштабами шашито, огромного, современного, не хуже тех, которые ему встречались в Европе. Передвижные жилые трейлеры кремового цвета окружали цирк чётким квадратом. Разноцветные гирлянды сбегали с купола вниз, вспарывали темноту вечера праздничными огнями. Между мачтами парила огненная надпись «Circus Khalil Oghab». Всё это сияло, сверкало, пульсировало, притягивало взоры прохожих. Если бы не угнетающая духота, Пашка, наверное, был бы воодушевлён предстоящей работой в этом цирке. Сейчас же ему хотелось как можно быстрее воодушевиться, то есть, попасть в душ...

Его поселили в отдельный небольшой трейлер. Показали, где что находится внутри вагончика и на территории цирка. Пригласили на ужин. Павел отказался, совершил долгожданное омовение и, толком не распаковавшись, рухнул в постель. После многочасового перелёта с пересадками и ожиданиями в аэропортах, он мгновенно провалился в вязкую душную темноту Иранской ночи...

– ...Халил Огаб! – представился гигант. Пашка постарался поприветствовать хозяина цирка на его родном языке, чем вызвал у того радостные эмоции. У Пашки эмоций было не меньше.

– Ух, ты! Копия Захарыча! Даже тембр голоса похож! – Пашка был по-настоящему удивлён. Он невольно сопоставил этих двух людей. Они были, как братья близнецы – те же длинные, белые в лунь, волосы, такие же седые бородачи, кряжистые кисти рук, которые гнули подковы, как пластилин. Брови, нос, губы, манера поворачивать голову и говорить через плечо. Единственное, Захарыч был выше ростом и постарше на десяток лет. Огаб выглядел моложавее и могуче, чем Стрельцов. Он соответствовал своему то ли прозвищу, то ли фамилии – Огаб, что на каком-то из языков означало «Гора». Халил, как и Захарыч, выглядел суровым, даже угрюмым, пока не начинал улыбаться. В эти редкие мгновения глаза его излучали тепло и доброту. Все тут же поддавали под обаяние этого незаурядного человека...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.